

Поскольку приехала целая толпа, Ван Сюань предусмотрительно снял просторный викторианский таунхаус. Здесь было всё необходимое для комфортной жизни: отличная охрана, современные удобства и уйма комнат, чтобы каждый устроился с максимальным удобством.

Пол в комнатах устлали пушистые шерстяные ковры, в камине весело потрескивали берёзовые угли, наполняя пространство сухим, живым теплом. Винтажный интерьер создавал удивительное ощущение уюта и уединённости.

В этой согретой мягким пламенем полутьме два обнажённых тела сплелись на просторной постели. Несколько месяцев разлуки превратили их тоску в безумную, всепоглощающую страсть. Вспыхнувший между ними пожар грозил спалить всю комнату: сухой хворост встретился с яростным пламенем, и ласки становились всё исступлённее, пока дыхание не перехватило от изнурительно-сладкого изнеможения. Они брали друг от друга всё, без остатка, выплескивая накопившуюся жажду в яростных, чувственных объятиях.

Позже, когда буря улеглась, они лежали, откинувшись на высокие мягкие подушки, ленивые и разомлевшие. Склонив головы друг к другу, они принялись неторопливо переговариваться, делясь новостями за долгие дни разлуки. Сколько бы они ни созванивались по междугороду, разве могли далёкие голоса в телефонной трубке заменить вот такую тихую, доверительную беседу с глазу на глаз? Дрова в камине уже прогорели, превратившись в рдеющие угли, которые время от времени тихонько пощёлкивали. От этого звука комната казалась ещё более уютной.

— Думал, вернусь к концу года, но оказалось, учиться тут ещё и учиться, — негромко заговорил Ван Сюань, перебирая пальцами волосы партнёра. — Наша страна пока сильно отстаёт от Запада, глупо это отрицать.

— И они так просто делятся технологиями? — спросил Ли Кай.

— Стал бы кто делиться за спасибо, — усмехнулся Сюань. — Но когда в дело вступают щедрые щеки, двери открываются куда охотнее. Конечно, находятся ловкачи, которые пытаются всучить нам бесполезный хлам за бешеные деньги, но Ло Цзухуэй парень надёжный, держит ухо востро и вовремя их осаживает.

— А сам ты надолго сможешь остаться?

— Пробуду с тобой до Нового года, а там назад. Да и признаться, самому хочется поглядеть, как люди за границей живут.

— Вот и ладно. Завтра же устрою тебе экскурсию. В Лондоне полно наших — и лавок китайских полно, и целый Чайнатаун имеется. Там можно найти любые родные продукты или хотя бы их подобие. Я тут недавно даже лавку благовоний и ритуальной бумаги приметил, представляешь?

— Те, кто живут в Англии поколениями и давно сменили паспорта... Неужели они всё ещё считают себя китайцами? — задумчиво протянул Ли Кай.

— Да какое там, — покачал головой Ван Сюань. — Для большинства само понятие родины давно стёрлось, они ассимилировались без остатка. Лишь единицы старой закалки ещё тоскуют по корням.

— Англия — старая, консервативная страна. Большинство здешних китайцев — потомки тех, кто пересёк океан ещё сто лет назад. «Старые англичане», так сказать. А вот в США, говорят, сейчас бум: туда едут толпы студентов, да и наши переселенцы чаще всего выбирают США. Все ведь последние лет пятнадцать только и твердят, что там можно озолотиться на золотых приисках.

После сытного ужина и крепкого сна силы вернулись к путешественникам. Секретарь отчитался Ли Каю о размещении людей, а поскольку многие из приехавших всю крутили головами и сгорали от любопытства, Ли Кай с Ван Сюанем решили не мариновать их в четырёх стенах. Они разделили свиту на две группы и отправились на прогулку по вечернему Лондону. Для первого знакомства выбрали оживлённую торговую улицу в центре — в Чайнатаун соваться в сумерках не рискнули, там по вечерам бывало излишне шумно и беспокойно.

— А здесь и правда оживлённо, — делились впечатлениями сотрудники, оглядываясь по сторонам.

По улицам тек непрерывный людской поток, мимо с тихим шуршанием проносились вереницы автомобилей. Это лондонское оживление разительно отличалось от привычной суеты китайских городов — сказывалась разница в культуре и укладе жизни.

Ван Сюань указал на огромный неоновый экран, сияющий на фасаде одного из зданий на площади:

— Видите этот рекламный щит? Минута трансляции на нём стоит столько фунтов стерлингов, что у обычного человека голова пойдёт кругом. Бешеные деньги.

Над головами прохожих висели не только динамические экраны, но и гигантские глянцевые плакаты с известными актёрами и моделями. Всё вокруг дышало роскошью, стилем и безупречным коммерческим расчётом.

Ли Кай деловито прищурился, мгновенно примерив увиденное на свой бизнес:

— А ведь отличная штука! Надо будет в нашем торговом центре «Триумф» сделать так же. Чего зря внешним стенам пустовать? Поток покупателей у нас сейчас огромный, рекламодатели в очередь выстроятся. И копеечку за аренду площади получим, и престиж центра поднимем. Будет смотреться по-европейски, дорого и солидно.

Сотрудники компании тут же рассредоточились по магазинам. Конечно, курс юаня к фунту кусался, и по-настоящему брендовые вещи оставались роскошью. Тем не менее цены на многие товары казались вполне разумными. К тому же все знали, что импортные бренды в Китае облагаются дикими пошлинами и стоят втрое дороже, так что покупка здесь в любом случае выходила выгодной.

Оказавшись за границей, мало кто зажимал деньги в кулаке. Те, у кого бюджет не позволял размахнуться на дорогую одежду, с удовольствием скупали сувениры и приятные мелочи для родных и друзей. К тому же босс выписал командировочные без лишней скупости, так что народ не скромничал. Вскоре почти каждый обзавёлся заветным пакетом: кто-то нёс изысканный парфюм, кто-то — качественные английские рубашки или добротные кожаные туфли.

Сам Ли Кай прилетел налегке, поэтому сейчас с удовольствием обновлял гардероб. Он выбирал дорогие, качественные вещи и расплачивался не глядя. Местные продавцы, почуяв крупную рыбу, так и расплывались в услужливых улыбках. Никто не смел закатывать глаза или подтрунивать над его ломаным английским — напротив, его обслуживали по высшему разряду.

«Ишь ты, — усмехнулся про себя Ли Кай. — А дома судачат, будто китайцев за границей на каждом шагу притесняют да обзывают. Видать, всё зависит от того, сколько у тебя в кошельке».

Известная западная присказка «клиент — это бог» в его понимании мгновенно трансформировалась в циничное: «бог — это клиент со звонкой монетой». Капитализм во всей красе, скользкий и прагматичный.

Ли Кай не удержался и вполголоса поделился своими наблюдениями с Ван Сюанем, заставив того тихо рассмеяться:

— Угомонись уже, акула капитализма, — беззлобно поддразнил его Сюань. — Тебе вон даже скидку оформили, чего ворчишь? Деньги — они и в Африке деньги, их любят при любом строе, хоть при социализме, хоть при капитализме.

Прогулявшись по торговым рядам, они решили продолжить вечер в одном из местных баров «для расширения кругозора». Там они попробовали заморский алкоголь, посмотрели на довольно откровенное, будоражащее кровь танцевальное шоу и даже оставили щедрые чаевые симпатичным официантам. Всё шло прекрасно, пока вечер чуть было не испортила внезапная потасовка местных банд. Впрочем, благодаря числу и отличной боевой подготовке китайских гостей, они вышли из заварухи без единой царапины. Для Ли Кая эта вылазка стала настоящим приключением, поднявшим уровень адреналина до предела.

По крайней мере, сам Ли Кай пребывал в полнейшем восторге, возбуждённый до предела. Кураж так и бурлил в его жилах. Он даже не заметил, какими мертвенно-бледными лицами обзавелись его секретарь и помощники. Воспитанные под красным знаменем социализма, эти тихие интеллигентные ребята впервые столкнулись лицом к лицу с теневой, порочной

изнанкой западного мира. Пьяный угар, свист кастетов и блеск ножей заставили их сердца уйти в пятки — они всерьёз опасались не дожить до утра.

На фоне местных громил большинство китайцев выглядели довольно щуплыми. Исключение составляли разве что сам Ли Кай да несколько сопровождавших его парней-отставников с военной выправкой. Даже Ван Сюань казался изящным и тонким, хотя за этой утончённостью скрывались стальные мышцы и безупречное владение боевыми искусствами. А вот беднягам-офисникам, которые в жизни не участвовали в драках крупнее школьных потасовок, пришлось совсем несладко. Их нервная система едва справлялась с нагрузкой.

Только теперь, глядя на разбитые носы нападавших, сотрудники с изумлением осознали, насколько опасен и силён Ли Кай. До этого лондонские вышибалы и уличная шваль — огромные, плечистые белые и чернокожие верзилы — казались им неодолимой силой. Одно их присутствие внушало животный страх. Для примерных домашних мальчиков, никогда не державших в руках ничего тяжелее шариковой ручки, такая разница в габаритах казалась приговором.

Заезжие бандиты красовались обилием татуировок и выглядели свирепо. Особенно пугали бритые налысо темнокожие громилы под два метра ростом: бугры мышц перекатывались под кожей, а пудовые кулаки, казалось, могли одним ударом проломить череп. Настоящие исчадия ада, от которых стоило держаться поодаль.

Однако вся эта показная мощь лопнула как мыльный пузырь, едва они столкнулись с бывшими военными и Ли Каем. Секретарь, неуклюже поднимаясь с заплеванного пола, застыл с разинутым ртом: прямо перед ним Ли Кай, легко уклонившись от замаха, с разворота впечатал ногу в грудь детины, который был в полтора раза шире его в плечах. Громила с глухим, костедробительным стуком отлетел в сторону, опрокинув дубовый столик, и остался лежать бесформенной кучей.

«Мамочки... Я точно не в кино?» — пронеслось в голове испуганного парня.

Не прошло и пары минут, как они ловко выскользнули из бурлящего водоворота драки, расселись по машинам и спокойно укатили прочь, оставив позади крики и звон разбитого стекла.

Старший из телохранителей, обернувшись с переднего сиденья, невозмутимо доложил Ли Каю:

— Босс, хвосты обрубил. Никаких зацепок для местной полиции мы не оставили, к нам этот инцидент не привяжут.

— Отлично. Молодцы, — кивнул Ли Кай, потирая слегка ушибленный кулак.

Лишь когда они отъехали на приличное расстояние, ночную тишину прорезали далёкие, заунывные завывания полицейских сирен.

Секретарь покосился на патрона с удвоенным благоговением и страхом. Теперь Ли Кай казался ему не просто успешным предпринимателем, а настоящим боссом мафии. И как он умудрялся раньше считать этого человека добродушным, пусть и суровым на вид? Все эти глупые сказочки про то, что внешность обманчива, рассыпались в прах.

«Лицо — зеркало души, правы были древние, ох как правы!»

— Эх, раздолье тут у них... — Ли Кай откинулся на кожаное сиденье и сыто сощурился. — У нас-то в Китае сейчас за общественную безопасность взялись железной хваткой, за подобный мордобой мигом бы в кутузку упекли. Да уж, злачные места — они везде злачные. Хотели просто пропустить по стаканчику да поглядеть ради интереса, как фигуристые девицы у шеста извиваются, а в итоге пришлось кулаками махать. Но, чёрт возьми, как же славно я размялся! Давненько так кровь не играла. — Он повернулся к Ван Сюаню и добавил уже серьёзнее: — Но учти, А-Сюань, без меня в такие притоны ни ногой. Даже если Роберт будет клятвенно обещать, что всё под контролем, ясно тебе?

Ван Сюань лишь снисходительно покачал головой, не желая слушать эти оправдания. Он-то прекрасно видел, что у Ли Кая просто чесались кулаки. Да, кучка местных расистов решила поживиться за счёт незащищённых, как им казалось, азиатов. Любому нормальный человек постарался бы уйти от конфликта, но Ли Кай мгновенно загорелся яростным азартом. В итоге нападавшие за пару секунд превратились в груды стонущих тел на полу.

Самое смешное, что даже после этого Ли Кай не подумал уйти. Он преспокойно уселся обратно за столик и с искренним удовольствием продолжил созерцать выступление аппетитных, фигуристых девиц, бесстыдно крутившихся на пилоне в крошечных бикини, и накачанных парней в кожаных трусах.

Лишь когда в зале вспыхнула масштабная драка между местными группировками и толпа в панике хлынула к выходу, они соизволили подняться. Охрана быстро организовала безопасный коридор, но Ли Кай ещё какое-то время с интересом наблюдал за побоищем, словно за бесплатным представлением.

И только когда волна безумия покатила в их сторону, а в воздухе замелькало холодное оружие, им пришлось расчистить себе путь силой, раздав зуботычины особо назойливым громилам.

Действительно, ведёт себя как безусый юнец, а ведь разменял уже четвертый десяток.

Заметив, что партнёр недовольно хмурится, Ли Кай поспешил реабилитироваться и примирительно приобнял его за плечи:

— Ну ладно тебе, А-Сюань, не сердись. Ты же знаешь, я никогда первый не лезу. Но если эти твари сами нарываются, почему мы должны терпеть? На чужбине нельзя давать слабину. Стоит раз смолчать, прослывёшь бесхребетным слабаком, и из тебя всю душу вытрясут.

Он был абсолютно прав: за границей китайцев часто держали за покорных жертв. И дело было не только в разнице в росте и силе, а в пресловутой привычке «терпеть ради мира», которая играла с соотечественниками злую шутку.

Ван Сюань вздохнул. Раз уж Ли Кай косвенно признал, что сам раздул этот пожар ради забавы, читать нотации было бессмысленно. К счастью, ребята сработали чисто. В лондонских трущобах подобные разборки вспыхивали еженочно, и местная полиция вряд ли усердствовала в поисках виновных.

Вот так, шумно, сумбурно, но чертовски насыщенно прошёл их первый день в туманном Альбионе. Хотя сотрудники единогласно решили, что лондонские ночи таят в себе слишком много опасностей, дневные прогулки превзошли все ожидания.

В последующие дни Ли Кай и Ван Сюань устроили себе грандиозные каникулы. Они исколесили Лондон, съездили в старинные университетские городки Кембридж и Оксфорд, добрались даже до сурового Эдинбурга. С собой они привезли горы проявленной плёнки и бесчисленное множество фотографий.

Англия радовала глаз живописными видами. Архитектурный стиль — величественная готика, строгое барокко и аккуратные викторианские домики — разительно отличался от привычных китайских построек и поначалу вызывал бурный восторг. Впрочем, со временем этот восторг немного притупился, уступив место привыканию.

— Здесь всё какое-то одинаковое, — делился мыслями Ли Кай, лениво листая путеводитель в купе поезда. — Все эти шпили, лепнина... Да, богато, изящно, но веет от этого холодным, высокомерным равнодушием. Словно за этой утончённой витриной скрывается гнилое, безжалостное нутро прежней империи.

Ван Сюань тихо рассмеялся:

— Эту архитектуру веками превозносят во всём мире, а ты окрестил её «холодной и равнодушной»?

— А разве нет? — фыркнул Кай. — Насмерть зацелованные искусством джентльмены... А как вспомню ту оперу, куда мы ходили — боже мой, от их заунывных визгов у меня чуть зубы не раскрошились. Смотришь на этих лощёных лордов во фраках и невольно вспоминаешь, что богатство их предков нажито разбоем и колониальным грабежом. Но спорить не стану — природа здесь дивная. У нас на родине сейчас стройка века: пыль столбом, реки мелеют и превращаются в сточные канавы, живого места не осталось. А здесь — простор, чистота. Аж зависть берёт, честное слово.

— Если тебя так впечатлил простор, то в Австралии ты бы и вовсе дар речи потерял, — заметил Сюань. — Говорят, там райский климат, плотность населения минимальная, а экологию берегут как зеницу ока. Наша земля тоже огромна, но людей слишком много. Чтобы прокормить всех, приходится порой жертвовать природой.

— Вот уж точно, — вздохнул Ли Кай. — И завидно, и злость берёт.

Разумеется, одними развлечениями сыт не будешь — дела не ждали. Получив надёжную финансовую и организационную поддержку, Ван Сюань с головой ушёл в переговоры и научно-практический обмен с британскими коллегами. Ли Кай тоже времени даром не терял: через знакомых раздобыл временный пропуск в один из лондонских университетов и с удовольствием пропадавал на лекциях, попутно дистанционно решая вопросы своей компании.

Время пролетело незаметно, и на пороге показался Новый, 2001 год. Ли Кай созвонился с отцом, Ли Сы, поздравив его по межгороду, а Ван Сюань набрал номер своего наставника. Так они и встретили этот праздник вдали от родного дома.

В самой Англии первого января масштабных гуляний не устраивали, однако в Чайнатауне царила весёлая предпраздничная суэта. Оставив основную свиту отдыхать, Ли Кай и Ван Сюань в сопровождении пары неприметных охранников отправились бродить по улочкам китайского квартала. Пусть этот уголок давно утратил прежнюю самобытность, смешавшись с местным колоритом, в его неоновых вывесках и запахах уличной еды всё ещё угадывалось что-то бесконечно близкое и родное.

<http://bllate.org/book/19654/1996880>